

«...Я почитаюсь загадкой для
всех, никто не разгадал меня
совершенно».

Из письма Гоголя матери от 1 марта
1828 г.

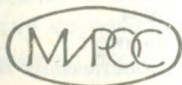
До прас
душки Зюковска —
с 1 марта
Шуфрин
6. III. 26.

Ю. МАНН
„СКВОЗЬ ВИДНЫЙ
МИРУ СМЕХ...“

Жизнь Н. В. Гоголя
1809—1835

7-980-116

МОСКВА 1994

К

На суперобложке: Портрет Н. В. Гоголя. А. Иванов. 1841 г.

Ю. В. Манн

«Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н. В. Гоголя. 1809—1835 гг./ Вступ. ст. С. Бочарова. — М.: МИРОС, 1994. — 472 с.: илл.

ISBN 5-7084-0078-1

Книга представляет собой наиболее полное научно-объективное исследование жизни писателя, тех факторов, которые определили становление и движение искусства Гоголя. Высокая историко-литературная достоверность счастливо соединяется в ней с художественностью изложения.

Именно поэтому книга адресована всем интересующимся русской литературой и прежде всего учителям словесности и школьникам как чтение и образец глубокого филологического исследования.

Изд. № Ф30(03)
ISBN 5-7084-0078-1

© Манн Ю. В., 1994
© Московский институт
развития образовательных систем, 1994

БИОГРАФИЯ КАК ИССЛЕДОВАНИЕ

Автор этой книги открывает ее словами С. Т. Аксакова о том, сколь исключительную трудность заключает в себе биография Гоголя. Безусловно, не в недостатке сведений заключается эта трудность, потому что сразу же по смерти писателя началась работа множества собирателей по накоплению таких сведений, и два фундаментальных сводных труда — П. А. Кулиша и, особенно, В. И. Шенрока — объединили уже к концу XIX столетия обширнейший материал. Но все же недаром оба биографа осторожно назвали свои труды — «Записки о жизни» и «Материалы для биографии». Предполагалось, что настоящая биография впереди, но вот прошло сто лет после Шенрока, и лишь сейчас в той книге, что перед нами, является столь полное жизнеописание, которое, наконец, заслуживает названия биографии Гоголя.

Полнота жизнеописания столь тщательная, что она стремится, по-видимому, исчерпать накопившийся фактический свод, а также, где возможно, пополнить его, — таково одно из отличий этого труда (например, заметим, что автор хочет учесть все сколько-нибудь значимые человеческие связи Гоголя и каждому из спутников дает особую биографическую справку). Другое свойство его — характер и качество исследовательской проработки труднообозримого материала — эпизодов, звеньев, этапов жизни Гоголя. Ю. В. Манн обратился к биографии Гоголя после того, как сорок лет занимался с разных сторон его искусством, и мы видим, читая книгу, как исследовательская ориентированность в мире Гоголя помогает биографу на каждом шагу. Жизнеописание продвигается, пожалуй, неспешно, то и дело задерживаясь на таких местах, на которых в жизни писателя завязывались узлы, которые предстояло ему в дальнейшем распутывать в творчестве. Перед нами в этой книге только первая часть пути писателя, даже скорее всего еще не первая половина; судя по принятому масштабу повествования, труд будет трехтомным. Гоголь только еще на пороге приступа к «Ревизору» — а между тем столько

уже завязок будущей творческой драмы исследователь-биограф сумел нащупать в намеках и непроросших пока психологических зернах, таящихся в письмах и странных поступках молодого Гоголя.

Да, полноту освоения накопившегося запаса сведений в этой книге надо признать замечательной, — тем не менее трудность, о которой писал Аксаков, сохраняется в силе и делается еще поразительнее на столь заполненном фоне. Потому что немало «белых пятен» в биографии Гоголя, которые можно заполнить новооткрытыми фактами, но есть в ней такие «белые пятна», какие ничем не заполнить. Нам, наверное, так достоверно и не узнать, что его погнало в первый раз за границу летом 1829 года, как отнестись к его известию о любовной страсти, от которой нужно было бежать, как он объяснял в письме матери? И к последующим туманным признаниям того же рода в письмах товарищу (Данилевскому)? Мы привыкли не слишком верить этим признаниям и скорее видеть в них плоды фантастического творчества Гоголя. Но иначе судит об этом Ю. В. Манн: его позиция биографа — презумпция доверия к гоголевским свидетельствам. Они могли быть по-гоголевски преувеличенно-риторичны, Гоголь был склонен к мистификациям, но в серьезных случаях — автор книги исходит из этого — он был правдив. Надо сказать, что для биографа Гоголя это нелегкая позиция, поскольку требует постоянного преодоления сложившейся традиции большего или меньшего недоверия. Такое неполное доверие к гоголевским словам возникло давно, причем со временем на простую привычку биографов проверять гоголевские утверждения на фактическую достоверность наложилось гораздо более тяжкое идеологическое недоверие к сокровеннейшим заявлениям писателя, особенно, конечно, позднего Гоголя. Сейчас, отрясая прах идеологического литературоведения недавних десятилетий, история литературы наша все более приучается верить Гоголю: ведь пора же нам отнестись с доверием, например, к важнейшему творческому признанию автора «Мертвых душ» и «Выбранных мест» о том, что своих уродов, своих героев он брал из своей же души; отнестись с доверием и попытаться понять, каким же не только художественным, но и психологическим процессом был связан этот необыкновенный писатель со своими неприглядными персонажами, — задача как для исследователя творчества Гоголя, так и для его биографа, который в следующих томах биографии непременно встретится с этой задачей.

И все же — если вернуться к любовным мотивам в нескольких письмах молодого Гоголя — может ли биограф не задаться вопросом,

что же стоит за ними биографически? Но в том-то и дело, что биограф, исчерпав всю сумму сведений, ничего не знает об этом; не может дать к этим письмам никакого реального комментария. Он может допустить, как это делает, исходя из своей позиции доверия, автор настоящей книги, что за этими намеками скрывались какие-то неизвестные нам события, но у него не меньше, кажется, оснований заподозрить здесь психологическое фантазирование или даже мистификацию. В том-то и заключается та ни с чем не сравнимая трудность биографии Гоголя, о которой говорил С. Т. Аксаков. Она не в последнюю очередь в том, что есть в жизни этого человека, обследованной со всех сторон, такие пробелы, на заполнение которых у биографа нет особой надежды. Но, конечно, сами по себе психологические признания в письмах матери и Данилевскому составляют очень значительный факт его биографии, и автор книги прав, говоря, что летний эпизод 1829 года явно недооценен в биографии писателя. Независимо от событий, бывших или не бывших, эмоционально, внутренне он, конечно, знал, о чем говорил, когда писал Данилевскому, уступил он страсти, она бы его превратила в одно мгновение в прах. Именно это, как мы знаем, случается с гоголевскими героями: «...вместо его лежала куча золы... сгорел совсем; сгорел сам собою». Читатель предлагаемой книги заметит, сколь пристальное внимание автор ее уделяет эротической теме в творчестве молодого Гоголя; такое внимание не совсем обычно в нашем гоголеведении, а между тем образами женской красоты и ее могучего значения в мире, спасающего и губящего, спасающего или губящего, наполнена проза Гоголя, начиная от первого произведения в печати, под которым он поставил свое имя, — статьи «Женищина» (1831) — до письма «Женищина в свете» (1846); и коренится эта сокровенная философская тема Гоголя в глубинах его психологии и загадках его биографии.

Жизнь и творчество — привычная формула; но всякий писатель — это своя, особая связь жизни и творчества, и всякому биографу писателя приходится иметь дело с этой формулой как со своей особой проблемой. У Гоголя его человеческая жизнь и его писательское творчество были связаны так, как не были связаны они ни у кого в русской литературе до Гоголя, включая и Пушкина. Другой из дружественного семейства Аксаковых, Иван Сергеевич, писал И. С. Тургеневу на следующий день после похорон Гоголя, что «в нем не было двух жизней и двух лиц отдельных: писателя и человека, члена общества». Писательский подвиг Гоголя творился за счет его чело-

веческой жизни: «Так много, казалось, изводилось жизни самого художника на писанные им строки», — вспоминал тот же И. С. Аксаков. Но завершился путь художника духовным событием, имевшим смысл искупительной жертвы одновременно и творческой, и человеческой жизнью. Все тот же И. С. Аксаков сказал об этом последнем событии, что оно представляет «такую великую, грозную поэму, смысл которой еще долго останется неразгаданным». Тем же словом определил последний акт жизни Гоголя, каким назвал художник жанр своего произведения. Две поэмы Гоголя — художника и человека.

В биографии Гоголя, которая перед нами, обе поэмы еще впереди. Многое и главное впереди: перед нами начало Гоголя-писателя, начало пути. Но начало, хорошо проработанное в направлении будущего, главного пути. Будем надеяться, что продолжение этой книги не за горами.

С. Бочаров

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Вскоре после смерти Гоголя хорошо знавший его С. Т. Аксаков заметил, что его биография «заключает в себе особенную, исключительную трудность, может быть, единственную в своем роде» (МВд, 1853, № 35). И он же определил причины, порождающие эту «трудность».

Жизнь Гоголя была бедна внешними событиями; собственно, его «дни» — это его «труды», сменяемые короткими или долгими паузами. «У Гоголя постоянно было два состояния: творчество и отдохновение». Не очень-то выигрышный материал для биографа! Вместо яркой череды событий и приключений он почти исключительно должен иметь дело с такой тонкой и неуловимой материей, какую представляет собою внутренняя жизнь. И все это усугублялось особенностями гоголевского характера.

Гоголя отличала необычайная скрытность. «Даже с друзьями своими он не был вполне или, лучше сказать, всегда откровенен, — продолжает Аксаков. — Он не любил говорить ни о своем нравственном настроении, ни о своих житейских обстоятельствах, ни о том, что он пишет, ни о своих делах семейных». Бывают авторы, которые идут навстречу своим читателям, равно как и исследователям, предоставляя в их распоряжение нечто вроде путеводной нити. Гоголь, наоборот, — словно отступает от нас, уклоняется. Эпитет «загадочный» часто применяется к Гоголю-художнику: мы говорим «загадочное произведение», «загадочное творчество». С не меньшим правом можно было бы сказать: «загадочная жизнь».

Отсюда заведомая неполнота гоголевских биографий. В начале нашего века один из исследователей сетовал, что Гоголь не дождался «и через 100 лет после своего рождения обстоятельной и всесторонней биографии» (Заболотский, с. 1). А ведь имелись уже двухтомная работа П. Кулиша, четырехтомный труд В. Шенрока... На сегодняшний день создано еще несколько ценных и интересных гоголевских жизнеописаний — в нашем литературоведении и в зарубежном¹, — и

тем не менее время от времени можно услышать слова, повторяющие сетование дореволюционного ученого.

Предлагаемая книга, как это отчетливо сознает ее автор, тоже не решила всех задач. Но пусть она будет хотя бы шагом к будущей и, увы, неблизкой цели создания «обстоятельной и всесторонней биографии», преодолевшей неимоверное сопротивление и трудность материала.

Среди причин, обусловивших эту трудность, пожалуй, главное место занимают не бедность жизни внешними обстоятельствами, не скрытность и замкнутость характера, а нечто другое, на что указал тот же Аксаков. «Натура Гоголя, лирически художественная, беспрестанно умеряемая христианским анализом и самоосуждением, проникнутая любовью к людям, непреодолимым стремлением быть полезным, беспрестанно воспитывающая себя для достойного служения истине и добру, — такая натура в вечном движении, в борьбе с человеческими несовершенствами...» При всем постоянстве черт гоголевской натуры, с молодых лет в ней пробудился сильнейший стимул — стимул к изменению, в результате чего рисунок внутренней жизни выходил чрезвычайно изменчивым и прихотливым. Многие не улавливались сторонними наблюдателями не только потому, что Гоголь перед ними скрытничал, но и потому, что считал свое состояние недостойным, временным и подлежащим преодолению. Он таился, уходил, «ускользал», так как изменялся или, по крайней мере, стремился к изменению.

Поэтому любая биография Гоголя, в том числе и предлагаемая, — это не только его жизненный, но и «духовный путь», как назвал свою известную книгу К. Мочульский (1934).

Какое же место займет в настоящем труде Гоголь-писатель, Гоголь-художник? Сразу же замечу, что в двойственном понятии «жизнь и творчество» акцент поставлен на первом слове. Это не значит, что «творчество» выносится за скобки или, как говорят, элиминируется, — вовсе нет. Это лишь значит, что «творчество» берется в определенном ракурсе.

Любое произведение — это не только «объективный текст», получивший право на свое собственное, самостоятельное существование, но и единокровное детище автора, несущее на себе его родимую печать. Неплодотворно сводить содержательный объем произведения к этой печати, но столь же бесполезно отбрасывать ее с порога. Непозволительно не наличие различных подходов, а их смешение,

когда, скажем, в художественном тексте видится сколок жизненных обстоятельств автора, когда персонаж отождествляется с его творцом и т. д.

Но существует более тонкая зависимость — и она-то является предметом нашего внимания, — когда творчество вырастает из жизненного и духовного опыта писателя, стимулируется этим опытом, становясь таким образом решением не только общечеловеческих и общенациональных, но и сугубо личных проблем.

Ограничусь, пожалуй, этими самыми необходимыми, поневоле схематичными предпосылками. Их конкретизация и воплощение в материал — дело дальнейшего изложения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Биография как исследование. <i>С. Бочаров</i>	8
Вместо предисловия	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Род Гоголя	12
Отец	20
Мать	26
Никоша	28
«По ту сторону Диканьки и по эту сторону Диканьки...»	36
Украинские Афины	39
Полтава	49
Учитель и соученик	55
Нежин	61
В классе, музее и ...больнице	68
Среди товарищей и однокашников	76
«Я совершу свой путь в сем мире...»	88
Горизонт литературных сведений	99
«Первые упражненья в сочинениях»	106
«Под сению кулис»	118
«Я заметил у некоторых учеников некоторые основания вольнодумства...»	126
«...Тамошние профессора большие бестии»	134
Близкое и далекое	149
Автор и его герой	157
«В дорогу! В дорогу!...»	167

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Отрезвление	177
«Везде совершенно я встречал одни неудачи...»	183
«Тысяча путей»	202
Службная утопия	212
«Святыня искусства»	222
«Святыня искусства» (окончание)	232
Под знаменами педагогики	242
Пасичник Рудый Панько и граф Кочубей	249
Встреча с Пушкиным	255
Царское Село — Павловск	258
«Хвостики душевного состояния»	271
«Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе...»	282
В поисках гармонии. Конец 1831 — начало 1832-го года	294
Москва — Васильевка — Москва	307

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«Боже, сколько кризисов!»	351
Среди «однокорытников»	363
На подступах к университетской кафедре	381
На кафедре	389
«Я тружусь как лошадь»	398
«Вечный раздор мечты с существенностью»	403
Целое и арабески	410
Москва — Васильевка — Москва	421
«Глава литературы, глава поэтов»	430
Примечания	436
Условные сокращения источников	452
Именной указатель	460